

ВЕНИАМИН ПОПОВ

ЕВРАЗИЙСКАЯ СУЩНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Евразийство как мощное теоретическое течение помогает осознать сущность нашей российской цивилизации, располагающейся и имеющей культурные корни как на Западе, так и на Востоке. В статье анализируются идеи не только выдающихся русских историков и философов-евразийцев, но и их единомышленников других национальностей, стоявших на позициях евразийства. Теоретической базой оригинальной евразийской концепцией русской истории стало учение о России-Евразии как культурно-цивилизационной общности, геополитического целого, а в духовном плане – особого религиозно-культурного мира. Большое внимание уделено историческим основаниям того сложного комплекса, каким является евразийская цивилизация. Соединение мощных славянского и туранского элементов в единую цивилизацию обусловило гармоничное сосуществование носителей разных религий. На протяжении истории органическое ненасильственное слияние разных племен и народов приводило к взаимному культурному обогащению, появлению своеобразного, цельного национально-цивилизационного типа. Нынешний пестрый в религиозном и национальном планах евразийский мир продолжает демонстрировать свою цельность, подтверждением чему являются амбициозные экономико-политические евразийские проекты, реализуемые на пространстве СНГ. Религия является стержневым элементом не только духовной, но и культурной составляющей евразийского единства, а в масштабах России это, безусловно, важнейший государство-образующий элемент.

Ключевые слова: евразийство, цивилизация, религиозное разнообразие, культурный плюрализм, единство, Евразия, Россия.

В настоящее время все больше доминирует мнение, что мы живем в переломное время: меняется система международных отношений, которая складывалась на протяжении нескольких десятилетий.

Главным показателем остроты переживаемого момента называют кризис западной цивилизации, при этом нередко ссылаются на нашего великого ученого Л.Н. Гумилева и в частности его теорию пассионарности. Говорится о том, что в настоящее время Запад подобно античному миру или Римской империи утрачивает свою былую пассионарность и уступает ее другим этносам, которые благодаря вспышке пассионарной энергии смогут, по выражению Гумилева, «вливать новое вино в старые мехи и обеспечить пестроцветное развитие человеческой истории».

Мир ощущает эти процессы на примере развала так называемого коллективного Запада. Кроме того, «революционер» Трамп ломает привычные стереотипы и пытается утвердить новые правила взаимоотношений не только с союзниками, но и с другими странами. В самих США разлад между элитами движется к своей кульминации, что дает основание некоторым политологам говорить о нарастающем конфликте, возможности столкновений или даже гражданской войны.

После Брекзита Европейский союз практически не может справиться с растущими неурядицами: он не способен выработать единую позицию по вопросам миграции, а также целому ряду других проблем. В итоге, как считают наиболее дальновидные наблюдатели, процесс дезинтеграции ЕС будет набирать силу, и если союз не развалится, то весьма глубоко трансформируется.

Западная цивилизация после распада СССР достигла пика своего влияния в мире: США стали в одностороннем порядке определять главные тенденции развития (то, что

называется однополярный мир). На деле же богатые пустились «во все тяжкие» и перестали делиться с другими слоями населения, поскольку противовес в лице СССР исчез. Это вызвало возмущение, прежде всего людей среднего класса, которые достаточно быстро почувствовали, что они живут хуже, чем их родители, и по существу это явилось основной причиной прихода к власти Трампа и такого явления, как Брекзит.

Западные лидеры, уверовав в собственную непогрешимость, занимались только укреплением своего доминирования на планете. Примечательно, что в нынешний период к власти приходят руководители озабоченные только своими эгоистическими корыстными интересами и не имеющие стратегического видения. Это совпадает с появлением нового технологического уклада, который может привести к серьезным сдвигам не только функционирования общества, но и многих элементов жизнедеятельности.

Лучше всего это выразили авторы опубликованного в конце 2017 г. доклада Римского клуба, которые по существу говорили о тупике нынешней западной модели развития. В юбилейном (по случаю 50-летия) докладе руководители Клуба и его ведущие эксперты пришли к однозначному выводу о неизбежности коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации. Жесткая критика капитализма, неприятие финансовых спекуляций, отказ от материализма и упрощенного понимания мира, призыв к альтернативной экономике, «новому просвещению», духовно-нравственному мировоззрению, единой планетарной гармоничной цивилизации – такова повестка будущего развития (якобы мир находится в опасности и спасение лежит в изменении мировоззрения, планета деградирует, спекулятивный капитал торжествует).

В целом текущие негативные изменения можно свести, прежде всего, к усилению разрыва между богатыми и бед-

ными как в планетарном масштабе так и в самих западных государствах. На данном этапе развития цивилизационные особенности стали играть более заметную роль и четко обозначился процесс растущего разделения мира по этноконфессиональному признаку.

В создавшихся условиях на фоне углубляющегося кризиса Запада объективно возрастает роль других цивилизаций: речь прежде всего идет о китайской, индийской, мусульманской, а так же об активизации обществ африканских и латиноамериканских стран.

Авторы энциклопедического словаря «Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты» изданного в 2001 г. под редакцией видного российского ученого М.П. Мчедлова, определяли цивилизацию как «существующую в определенное время и на определенной территории систему, в рамках которой действует социокультурная историческая общность с присущей ей совокупностью политико-экономических, культурных, духовных, в том числе конфессиональных характеристик» [1, 3].

Цивилизационные образования британский историк А. Тойнби определял как общности, «более широкие, чем отдельная масса, но меньше чем все человечество», в то время как американский социолог С. Хантингтон называл цивилизацией «наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень идентификации» [1, 486].

Россия представляет собой особый вид цивилизации с пространственной протяженностью в 9 тыс. км в широтном и до 4 тыс. км в меридиональном направлениях. Ее характеризуют историческая длительность – с IX века, полиэтничность – около 150 национальностей, и многоконфессиональность – свыше 60-ти вероисповеданий. В становлении и развитии российской цивилизации особую роль сыграло государство. Неповторимый облик россий-

ской культуры был предопределен глубоким синтезом западных и восточных влияний. Интегрирующим началом многонационального суперэтноса выступил русский народ. Его интеграционными чертами стали «самоограничение, подвижничество, терпимость, склонность к справедливости и совестливости, к взаимообогащению культур, оказанию помощи, служению человечеству» [1, 486].

Одну из главных составляющих российской цивилизации – православную культуру, отличало глубинное соборное нравственное начало, противостоящее прагматическому индивидуализму.

Известный социолог, академик Г.В. Осипов, подчеркивал: «Какие бы новые драматические испытания не выпали на долю России, ее евразийский цивилизационный тип обладает жизнестойкостью и динамизмом» [2, 182].

Не случайно говорят, что новое – это хорошо забытое старое. Сегодня мы можем также утверждать, что история развивается по спирали: впервые четкий вывод о евразийской сущности российской цивилизации сделали так называемые «евразийцы» – сторонники идейного учения, которое сформировалось в 20-х годах XX в.

Это учение возникло в среде русской эмиграции, и у основания его стояли философ, князь Н.С. Трубецкой и политический мыслитель П.Н. Савицкий (их даже в шутку называли «евразийскими Марксом и Энгельсом»). Оказавшиеся в эмиграции после революции 1917 г. яркие представители русской интеллигенции – а их число не превышало 100 человек – пережили разочарования в связи с революцией, мировой войной, и большевистским переворотом. Исход из России, соединившись с надломами, произошедшими за годы войны в культурной жизни Европы, создали атмосферу катастрофического мироощущения кризиса.

Евразийство родилось не только из-за двойной, по их мнению, катастрофы в России – войны и революции, но и огромного эгоцентризма Европы после ее победы в Первой мировой войне. Европоцентризм рассматривался евразийцами как бич человечества, главный источник кризиса XX века. Евразийцы, по сути дела, представили новое прочтение исторической судьбы России как особого евразийского континента со своей спецификой и собственными законами развития.

Примечательно, что в свое время сходные идеи развивал выдающийся химик Д.И. Менделеев. В частности, он отмечал, что «Россия – это особая страна, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить» [3, 3].

Другой великий ученый, В.И. Вернадский, подчеркивал, что сохранение единства государства-континента – важнейший долг России перед человечеством. «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории. То новое, что дает в быту живущих в нем людей большое по размеру государство приближается по своему укладу к тому будущему, которому мы все стремимся, к мирному мировому сожителю народов. Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами сохраняться, как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества» [4, 66].

Евразийцы утверждали, что цивилизационная иноприродность России-Евразии и ее близость к культурным общностям Востока – это источник силы, а не слабости. По их мнению, государственная самостоятельность без развития самобытной национальной культуры ничего не стоит. Евразийское же государство всегда позициони-

ровало себя, по выражению П.Н. Савицкого, как собор национальностей и собор вер.

Религиозная близость российских народов становится основой их культурной общности, хотя духовно-религиозное пространство Евразии включает в себя не только православное христианство, но также ислам, а в качестве значительных анклавов – буддизм и шаманизм. При этом особое внимание и акцент делался на духовных общностях православных и мусульманских народов.

Евразийцы отстаивали идею о том, что объединение Евразии в пределах одного государства в монгольско-золотоордынский период российской истории осуществили не славяне, а туранцы, тюрки и монголы – тогда как в дальнейшем продвижение русских на восток было тесно связано с обрусением целого ряда местных туранских народов. Вот почему, по мысли Н.С. Трубецкого, «сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю» [5, 141].

Евразийцы рассматривали российскую историю через призму прежде всего создания российского государства, в котором на протяжении нескольких веков преобладали туранские элементы. То, что у нас принято называть татаро-монгольским игом, евразийцы рассматривали как необходимый период русской истории, в котором основную роль играли ханы Золотой орды. По их мнению, собственно тюркский и славянорусский типы практически являются отдельными вариантами туранского характера: прививка русской психике характерных туранских черт сделала русских, как считал Трубецкой, тем прочным материалом государственного строительства, который позволил московской Руси стать одной из обширнейших держав.

С другой стороны евразийцы полагали, что европейский Запад, ломая оригинальные устои жизни и культуры незападных народов, способен заменить их, лишь чисто внешними материально утилитарными отношениями и формами быта. В результате европейская цивилизация «производит небывалое опустошение в душах европеизированных народов, делая их в отношении духовного творчества бесплодными, в отношении нравственном – безразличными и одичавшими»; при этом верным спутником западной цивилизации выступает «непомерное пробуждение жадности к земным благам и греховной гордыни» [5, 331]. Трубецкой и его сподвижники исходили из того, что сама идея интернациональной цивилизации – это результат стремления Запада к мировому господству.

Евразийцы были уверены в том, что культура России не есть культура ни европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание их элементов. Она – совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную евразийскую культуру [6, 130–131].

Евразийцы рассматривали мир России-Евразии, как особую культурно-цивилизационную общность высокого уровня несводимую лишь к культуре русского православного народа: в ее составе роль восточных (тюркских, финских, монгольских) элементов не менее значительна, чем славянского и византийского.

По мнению английского географа Х. Дж. Маккиндера, который опубликовал в 1904 г. книгу «Географическая ось земли», центральную роль в мире играет обширный евразийский материк, «хард лэнд». Та держава, которая в данный момент контролирует «хард лэнд» фактически име-

ет реальную возможность контролировать весь мир, становясь практически непобедимой.

По его мнению, раньше такой державой была монгольская империя, теперь ее сменила российская. «В этом мире, – писал Маккиндер, – она занимает центральное стратегическое положение... и никакая социальная революция не изменит ее отношение к великим географическим границам ее существования» [7, 27]. Иными словами, географической осью истории оставалась Россия. (Идеи англичанина продолжал немецкий геополитик К. Хаусхоффер, который отстаивал идею совместных цивилизационных усилий двух континентальных держав России и Германии, по установлению своего рода «нового евразийского порядка»).

В духовном плане Евразия есть особый религиозно-культурный мир. В значительной своей части он находится за пределами церковной ограды, однако, явно тяготеет к русскому православию как своей духовной сердцевине.

В отличие от западной Европы религия на Востоке была доминирующим элементом не только частной, но и всей социальной жизни. Вездесущность религиозной веры мусульман регулирует как их повседневную жизнь, так и все высшие проявления человеческой культуры, включая политическую мысль. Ислам, в глазах евразийцев был особо ценен тем, что в нем наиболее полно проявляется единство между образом жизни, религией, культурой и политикой.

Родство двух религий, т.е. ислама и православия проявлялось в общей склонности к мистицизму в глубоком уважении «к мирскому, озаренному светом верой». В пределах единого туранского психологического типа и православное христианство, и ислам, несмотря на их явную доктринально догматическую несовместимость, благодаря общим чертам религиозной психологии евразийских

народов и в результате исторического укоренения на пространстве России-Евразии, приобрели сходные социокультурные черты.

Оба региональных варианта мировых религий (русское православие и тюрко-татарский ислам) сформировавшихся на евразийском пространстве стоят гораздо ближе друг к другу, нежели к своим единоверным общностям за пределами Евразии.

Учение России-Евразии, как особой культурно-цивилизационной общности и геополитического целого, стало теоретической базой оригинальной евразийской концепцией русской истории. В обобщенном виде она представлена в работах Н.С. Трубецкого – «О туранском элементе в русской культуре», «Наследие Чингизхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», и П.Н. Савицкого – «Евразийская концепция русской истории», «Географический обзор России и Евразии», «Геополитические заметки по русской истории», «Степь и оседлость». Заметную роль в создании методологического каркаса этих выводов внес Г.В. Вернадский, который обосновал теоретические положения главных евразийских идеологов обширным конкретно-историческим материалом.

Эти работы стремились показать Россию как некое европейско-азиатское единство, как особый целостный мир, которому свойственно своеобразие исторических путей: у России в географическом отношении более органическая связь имеется с Азией, с Востоком, тогда как в духовном плане она неразрывно связана с православием, которое оказалось решающим фактором в развитии культуры. По мысли Вернадского, в основе небывалого геополитического и хозяйственного единства Евразии лежит единство его народов на базе широко понимаемого православия

В свою очередь, П.Н. Савицкий считал, что судьба России была бы несравненно горше и трагичнее, достанься она зараженным «иранским фанатизмом и экзальтацией» туркам или же католическому Западу [8, 333–334]. Развивая эту мысль, Савицкий отмечал, что в областях вокруг впадения Камы в Волгу существовала и существует особая культура, которая с течением веков все больше окрашивалась в цвета ислама. Эту культуру можно назвать «средневожской». Наряду с православно-русской, именно она представляла собой крупное явление в геополитическом круге Золотой орды [8, 310]. Период монгольского владычества, «способствовавший государственной организации России был тем горнилом, в котором ковались русское духовное своеобразие и его стрежень – русское благочестие».

По словам Трубецкого, по мере упадка золото ордынской государственности московские князья стали претендовать на роль объединителей Евразии в пределах ордынских владений, заняв место сарайских ханов. А Савицкий считал, что настоящими государственными правителями московские цари сделались лишь тогда, когда от «собирания русской земли» перешли к «собиранию земли татарской», то есть к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой орды). Благодаря этому, Россия, как он писал, стала «наследницей великих Ханов, продолжательницей Чингиза и Тимура, объединительницей Азии».

Ордынские правители, в конечном счете, свой религиозный выбор сделали в пользу ислама, который в 1321 г. при хане Узбеке был провозглашен государственной религией. На это решение повлияли такие факторы, как преобладание мусульман в числе ханских поданных, внешняя простота религиозной догматики и обряда, притягатель-

ность исламской культуры и традиционные связи между Поволжьем и Ближним Востоком.

Однако, Золотая орда оставалась дальней периферией исламской цивилизации, а сама монгольская государственность никак не совпадала с освещенным религией идеалом исламского правления: в мусульманских частях империи Чингисхана никакой крепкой внутренней спайки между господствующей религией и монгольской государственностью не получилось.

С 1452 г. и до конца XVII века внутри русского государства существовал своеобразный островок исламской государственности в виде Касимовского царства, в котором поселялись, получая поместные надель, служилые татары-мусульмане со своей челядью.

Указ Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий» был во многом обусловлен необходимостью восстановления традиций евразийской имперской веротерпимости. Тем самым были закреплены основы совместного проживания и конструктивного взаимодействия русско-православной и тюркско-мусульманской общностей в пределах единого пространства и развития евразийской цивилизации. Начало же ему было положено, по мнению евразийцев, Золотой ордой, соединившей в одном государстве православный и мусульманский цивилизационные очаги Северо-восточной Руси и Волжско-камской Булгарии.

Евразийцы весьма неоднозначно оценивали деятельность Петра I, упрекая его «в издевательствах над священными для каждого русского традициями». По мнению Трубецкого, учреждением Синода и института Обер-прокуратуры Петр нанес русской Церкви более тяжелый удар, чем советская власть – арестом Патриарха. В свою очередь деятельность Екатерины II, закрывшей 80% монастырей, реквизировавшей немалую часть церковного имущества и заточившую в Ревельскую крепость Митрополи-

та ростовского Арсения, мало чем отличалась от антирелигиозных гонений большевиков.

В русской Церкви изначально звучал голос национальной совести, являвшейся одним из проявлений национальной личности. Так, Трубецкой считал пагубным последствием европеизации утрату понимания российскими правителями исторической сущности России. По его убеждению, во все послепетровские времена Россия воевала за чуждые собственным национальным задачам интересы, в частности, за укрепление в Европе «легитимизма и феодальной монархии».

Впоследствии вовлечение России в орбиту европейской политики, а также навязывание ей ложных внешнеполитических целей вроде выполнения якобы завещанного киевскими князьями обладания Константинополем и Проливами или «освобождения братьев славян от турецкого ига», на деле служило прикрытием интересов европейских держав, стремившихся укрепиться на Ближнем Востоке.

Г.В. Вернадский в труде «Начертание Истории» говорил об эволюции внешнеполитической доктрины государства – от успешного соединения «православной политики с политикой дружественной мусульманскому миру» в XVI в. до возобладания чисто православной политики без соблюдения связей с системой мусульманского мира в середине XVII в. Последнее практически означало крушение внешнеполитической идеи «Москва – Третий Рим» [9, 83–84].

Н.С. Трубецкой подчеркивал, что органическое ненасильственное слияние других племен и народов приводило к взаимному культурному обогащению и появлению своеобразного, нового цельного национального русского типа.

Императорское правительство с конца XVIII в. отказалось от активных действий по насильственной русификации, однако эта линия не всегда проводилась последовательно, что сформировало в общественном мнении образ империи как «тюрьмы народов» и обусловило в начале XX в. популярность известного большевистского лозунга о «праве наций на самоопределение».

Евразийцы считали, что, несмотря на европеизацию, Россия смогла сохранить евразийскую цивилизационную сущность. Она продолжала историческую задачу государствообъединения Евразии, как бы завещанную Монгольской империей. Присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири, – все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей евразийского улуса чингисхановой империи, а колонизации и запашка степи, превращение ее из кочевья в ниву было закреплением перехода евразийской государственности из рук туранцев в руки русских. Исходя из этого критерия, монголо-татарское иго для русского народа и государства мыслитель считал в целом позитивным. Н.С. Трубецкой в своей работе «О туранском элементе в русской культуре» так писал об этом: «Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него, еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить. А через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига в виде может быть и “неладно скроенного”, но очень “крепко сшитого” православного государства, спяянного внутренней духовной дисциплиной и единством “бытового исповедничества”, проявляющего силу экспансии и вовне» [5, 160].

А вот как тот же автор в работе «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» писал уже о недавнем периоде нашей истории: «При советской власти Россия впервые заговорила с азиатами как с равными, как с товарищами по несчастью, и отбросила ту совершенно ей не идущую роль высокомерного культуртрегера-эксплуататора, роль, которая прежде ставила Россию в глазах азиатов на одну доску с теми романо-германскими хищниками-поработителями, которых Азия всегда боялась, но также всегда и ненавидела» [5, 253].

Силой обстоятельств советская Россия обращалась к Азии, осуществляя во внутреннем развитии, то братание племен Евразии, которое является следствием исторической миссии России – объединительницы Евразии. «Наследие Чингисхана, – писал Трубецкой, – неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она останется всегда хранительницей этого наследия и вся ее историческая судьба этим определяется».

Для народов Евразии религиозность была естественной стихией, а народ в церкви и народ в государстве были не двумя разными существами, а единым народом. Как при Чингисхане, так и в Московской Руси не существовало казённой религии и не было подчинения государственной власти религиозным институтам. Тем не менее, в обоих случаях государственность была религиозной и причина этому лежала не в области политики и законодательства, а в области психологии и быта¹.

Будущая Россия, по мнению евразийцев, должна сделаться своеобразным стержнем общепланетарного противостояния различных культурных цивилизационных и эт-

¹ Реализованный в послевоенные годы стратегический союз с арабскими странами, укрепивший позиции СССР, в определенной мере стал выражением идеи поворота к Востоку.

норелигиозных общностей политической и идеологической гегемонии буржуазного колониального Запада.

Если утверждения евразийцев об иноприродности и враждебности Запада российской цивилизации, ее родстве с Востоком было совершенно неприемлемо для апологетов западничества, ориентировавшихся на европейский путь развития, то евразийский тезис «о потенциальном православии нехристианских народов» породил столь же безоговорочное неприятие ортодоксальных ревнителей русского православия.

Одним из главных критиков был Н.А. Бердяев, который считал, что духовное влияние России должно утверждаться путем раскрытия Западу своих религиозных богатств, не путем географического размежевания на стороны добра и зла. Он подчеркивал, что нужно добиваться «мирового признания России как великого мира Востока-Запада, соединяющего в себе два потока всемирной истории» [10, 294].

Бердяев вообще считал евразийцев «духовными реакционерами»: якобы Чингисхана они «явно предпочитают Св. Владимиру, для них Московское царство есть крещеное татарское царство, а московский царь – оправославленный татарский хан. <...> Любовь к исламу, склонность к магометанству слишком велики у евразийцев. Магометане ближе евразийскому сердцу чем христиане Запада» [10, 297].

В свою очередь, И.А. Ильин считал, что евразийцы хотят сменить слепое подражание Западу на безрассудное копирование Востока. Для восстановления русской национальной культурной самобытности евразийцы, как полагал мыслитель, избрали ложный путь: по их рецепту русский человек, желая вернуть себе свою утраченную русскость, начал натаскивать себя на татарщину.

С точки зрения Ильина, петербургский период российской истории – самый плодотворный: русский народ сумел достичь наивысших вершин во всех областях своего культурно-исторического творчества. Россию погубил не Запад как таковой, ее привело к гибели неумное подражание всему «религиозно несостоятельному, ложному, пошлому, больному, что есть на Западе: Добро и Зло не имеет Востока и Запада, искать спасение в Азии можно только в духовной беспомощности и материалистического склада души, опыта и мысли» [11, 281].

И.А. Ильин писал: «Мусульманский храм символизирует своим великим куполом единого Бога (Алла иль Алла) и своим минаретом – его пророка (Магометассул Алла)¹; и обычно линии его просты, как его мораль, властны, как его вера, изящно-повторны, как стиль Корана» [12, 274–275]. При этом Ильин подчеркивал, что Россия не захватывала колонии, русский народ учил понимать и восполнять друг друга, русские не практиковали денационализацию других малых и некультурных племен.

Вместе с тем не трудно провести аналогию между сформулированными Ильиным идеями общенационального братства и евразийской доктриной российской «многонародной» нации. Ильин подтверждал идею об органической враждебности Запада в отношении исторической России. Несмотря на это, его мысли, как и вообще идейное наследие евразийцев, важны для осознания исторической России как результата православно-мусульманского цивилизационного синтеза.

Идея единства славянских и тюркских народов на пространстве Евразии легла в основу известной инициативы президента Казахстана Н.А. Назарбаева, выдвинутой им

¹ Видимо, Ильиным была допущена ошибочная транслитерация частей мусульманской шахады. (Прим. ред.)

в марте 1994 г., о создании на базе СНГ нового межгосударственного объединения – Евразийского союза. 10 октября 2000 г. в Астане президентами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана было создано Евразийское экономическое сообщество. В ЕвразЭС со статусом наблюдателя вошли Молдавия, Украина и Армения.

В основе этих проектов лежала идея достижения цивилизационного культурного и по-возможности политического единства Евразии на базе синтеза национальной идентичности каждого из евразийских народов с общеевразийской идентичностью содружества и «многонародной нации».

Такой критик евразийства, как В.А. Сендеров допускал, что ценой сохранения чистоты православной веры станет полная исламизация России и Евразии¹.

Ислам переживает небывалый подъем, связанный с колоссальным ростом его демографического, финансово-экономического, а главное интеллектуального потенциала, который формирует собственные ответы на вызовы XXI века. Н.А. Нарочницкая пишет: «Ислам стал основой великой не западной цивилизации наряду с православной она явилась мощной альтернативой религиозной нетерпимости и этноцентризма западного мира... Арабская цивилизация как одна из крупнейших явлений мировой культуры после самоутверждения дала пример арабского халифата, который для своего времени явил невиданную на Западе религиозную и национальную терпимость и взаимодействие культур. Арабский исламский мир всегда имел некоторое количество христиан среди своих единоплеменников» [14]. Нарочницкая также считала, что евразийство – шанс растворить русское национальное начало в космополитическом союзе, освобождающем поле

¹ См., например, его статью: «Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы» [13, 22–37]. (Прим. ред.)

и формирующем условия для главного противоборства будущего века – соперничество цивилизаций [15, 137].

Следует особо подчеркнуть мысль о том, что в утверждении евразийского цивилизационного вектора на базе конструктивного сотрудничества православной и мусульманской культурно-религиозной общности именно русскому народу, как мощному религиозному и этнополитическому целому должна принадлежать ведущая роль. Становление России как Евразии может обеспечить историческое существование русских. Этносоциолог И.М. Кузнецов описывал российскую цивилизационную модель «как некий океан: это русский, в котором, как кристаллики, плавают другие культуры. Это такой веками сложившийся симбиоз, что ни русские без этих кристалликов не могут нормально существовать не умирая, не затухая, а постоянно поддерживая культуру в жизнеспособном состоянии, ни эти кристаллики уже не могут существовать вне данной среды» [16]. Тут можно вспомнить, что в свое время П.Я. Чаадаев называл татаро-монгольское владычество величайшей важности событием, принесший России больше пользы, нежели вреда и способствовавший развитию и созреванию русской народности¹.

К сторонникам классической евразийской школы относится и наш знаменитый ученый Лев Николаевич Гумилев, который сам себя называл последним евразийцем. Он подчеркивал: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [17, 89].

Особую актуальность сегодня приобретают его слова о том, что евразийская доктрина замышлялась как син-

¹ Из неотправленного письма А.И. Тургеневу (1843), по тексту публикации Л.Н. Черткова в журнале «Русская литература», 1969, № 3. (Прим. ред.)

тез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии.

По убеждению Гумилева, его собственная теория этногенеза не противоречила марксистскому учению о смене социально-экономических формаций.

В истории, считал Гумилев, нет ни одного этноса дожившего в своей корневой родовой основе до наших дней: «Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венеты уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам <...> Но и этих сменили итальянцы, испанцы, французы, греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи» [18]. «Я, кажется, сделал открытие, разгадав, наконец, что лежит в основе этого могучего естественного процесса. Я нашел пусковой механизм его и дал ему отличное название – пассионарность – от латинского слова *passio* – страсть. Я понял, что рождению каждого нового этноса предшествует появление определенного количества людей нового пассионарного склада» [19, 10–11].

Для анализа проблем развития российской цивилизации, как православно-мусульманской, «славяно-тюркского» симбиоза наибольшим эвристическим потенциалом обладает гумилевское основание единства и уникальности евразийского суперэтноса. Ключевым элементом при этом выступает категория этноса. В отечественной науке утвердился принцип рассматривания этноса, как группы людей объединенной общностью языка, происхождения, обычаев и жизненных укладов, осознаваемых членами этноса и освященных традиций. Гумилев считал, что из смеси славян, угров, алан и тюрок развилась великорусская народность, а образование, включавшее монголо-китайских и манчжуро-китайских метисов, часто возникавшие вдоль линии Великой китайской стены последние две тысячи лет, оказались не стойкими и ис-

чезли как самостоятельные этнические единицы [20, 52, 54]. Он писал: «Великороссы включают в свой состав: восточных славян из Киевской Руси, западных славян – вятичей, финнов – меря, мурома, весь, заволоцкая чудь, угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами, балтов – голядь, тюрков – крещеных половцев и татар и в небольшом числе монголов» [21, 148].

Так называемый христианский мир, по мысли Гумилева, не был единым и подразумевал больше системную целостность, а не объединение по канонам религии. Равным образом мир ислама противопоставлял себя и грекам, и французам, и языческим тюркам, но с точки зрения религии не был единым. Учение шиитов, карматов, суфиев весьма мало походили друг на друга и на ортодоксальную доктрину – суннизм. Но ведь и христиане-европейцы отнюдь не дружили между собою. Однако, сталкиваясь с мусульманами и язычниками, они сразу находили общий язык и пути для компромисса.

Именно две крупнейшие мировые религии, христианство и ислам, выступали доминантами на всех ступенях этнической иерархии для суперэтнических общностей, ставших ведущими субъектами евразийской истории православно-христианской и мусульманской цивилизаций.

Первые христианские общины, возникшие в I веке в объединенном римлянами средиземноморском регионе, носили ярко выраженные черты консорций – первоначальной зародышевой общности людей разного этнического происхождения, связанных единой целью и общей судьбой. Исходя из своей цели и судьбы, а также благодаря определенным особенностям нового вероучения, они противопоставили себя остальным этносам – римско-эллинистической суперэтнической целостности.

Но уже во втором поколении консорция превратилась в монолитный субэтнос, ставший к IV веку самостоятельным этносом.

По словам Гумилева, «С V по X в. в православие были обращены болгары, сербы, венгры, чехи, русские и аланы, и тогда создавалась суперэтническая культурная целостность православного мира, сломленная в XIII в. «франками», «турками» и монголами. В XIV в. православная традиция воскресла в связи с возникновением великорусского народа. Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии нельзя, ибо местные традиции сделали из Руси самостоятельную целостность» [21, 148].

Выводы Гумилева непосредственно перекликаются с известной концепцией «византизма», предложенной К.Н. Леонтьевым.

По идее Гумилева, доминирующим процессом в образовании арабского этноса, – а в суперэтническом смысле и всей мусульманской культуры – явился, зачатый Мухаммадом ислам.

Реальной причиной этногенеза, запускающей процесс развития новых этнических общностей, является не влияние на мир природно-географических или социально-культурных факторов, но его определяет некое внешнее воздействие, которое Л.Н. Гумилев называет пассионарным толчком.

Импульс пассионарности бывает столь силен, что его носители не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Отсюда ключевая роль человеческого фактора, например, жажда славы. Так, честолюбие и гордость были присущи Александру Македонскому, однако только этими чертами не объясняется неодолимая тяга полководца к великим деяниям. По праву рождения Александр имел всё, составлявшее предел желаний человека его эпохи, тем не менее он начал кровопро-

литную войну с персидской державой Ахеменидов, желая отомстить за разрушение, нанесенное персами во время греко-персидских войн, о которых сами греки успели позабыть. После победы над персами Александр предпринял не имевшие политического и военного смысла походы в Среднюю Азию и Индию (примерно те же наклонности можно видеть и у Наполеона).

В составе любого этноса присутствует и субпассонарии – особи энергодифицитного типа. Последствия такого субпассионарного мировосприятия проявились в полной мере уже в V веке, когда казавшийся несокрушимым «Вечный город» был дважды взят и разграблен варварами-германцами – вестготами в 410 г. и вандалами в 455 г. Вождь африканских вандалов Вензерих объявил себя мстителем за разрушенный Карфаген и устроил в Риме настоящую резню. При этом никто из жителей города, численностью во много превосходившей завоевателей, даже не подумал о сопротивлении. Спасать же их было некому, поскольку всех носителей пассионарного импульса римская чернь уже уничтожила.

Подобный же пример деструктивного доминирования субпассионариев в этнической системе, в итоге приводящего ее к краху, демонстрировали Византийская империя при династии Ангелов и поздний Багдадский халифат. В этом государстве начиная с середины IX века гулямы (тюркская гвардия, состоявшая из рабов) меняли халифов по своему усмотрению. Периодически они устраивали в Багдаде резню, тогда как население огромного города плакало, ругалось и острило, но предпочитало жить не работая и умирать, стоя на коленях, только бы не защищаться.

Любой процесс этногенеза, считал Гумилев, начинается героическими, подчас жертвенными, поступками небольших групп людей (консорций), к которым присоединяют-

ся окружающие их массы. Пассионарии способны абсорбировать больше энергии для простого поддержания жизни, формируют социальные связи, позволяющие применить эту энергию в любом направлении. Это и есть пассионарный толчок, выражающийся во внезапном появлении критической массы пассонариев в человеческой популяции и выступающий причиной рождения этносов (это внешнее воздействие может соответствовать пучкам энергии, исходящей от солнца). Гумилев утверждал, что с XVIII в. до н.э до XIII в. н. э. на Земле произошло 9 пассонарных толчков, породивших около 40 этнических систем.

По Гумилеву, православное христианство и суннитский ислам в своем динамичном взаимодействии составили духовную основу российской цивилизации, выросшей на базе многообразной суперэтнической целостности. Россия является суперэтносом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеваниям.

По расчетам ученого, инерции пассионарного толчка в среднем хватает на 1200 лет, что совпадает с выводами о возрасте великих государств, сделанными К.Н. Леонтьевым.

Гумилев рассказывает о том, что ставший в 899 г. имамом исмаилитов Али (Саид) Абдалла аль-Махди, перешедший в ислам еврей, который выдавал себя за потомка халифа Али и дочери пророка Мухаммада Фатимы, при поддержке шиитских сторонников Северной Африки в 909 г. был объявлен имамом-халифом, и тем самым было положено начало исмаилитской династии Фатимы. В 969 г. его преемники овладели Египтом, но их союз с берберами оказался непрочным. Единственной надежной опорой новой династии стала значительно разросшаяся невольничья гвардия гулямов, которые стали именоваться мамлюками. По словам Гумилева, «Фатимидим удалось создать государство не на основе того или иного этноса, пусть даже

завоевателя, а на основе консорции, пополняемой новообращенными из всех этносов Ближнего Востока и Европы. Исламитская община умело использовала феллахов как трудящихся, христиан-коптов как чиновников, евреев как купцов-посредников <...>, тюрок и суданских негров как гвардию, берберов и хиджазских арабов как ополчение, а сами члены исламитакого ордена правили захваченными землями и проникали в мусульманские страны, подготавливая их к присоединению к Египту»¹. В 1250 г. мамлюкский предводитель Кыпчак Бейбарс утвердил новую династию мамлюкских султанов, а в конце следующего века их сменили султаны-черкесы.

В свою очередь, хазары, то Гумилеву, были могучим народом, жившим в низовьях Волги и исповедовавшим иудейскую веру. В 965 г. их победил князь Святослав Игоревич. Позднее хазары, получив пассионарный заряд от тюрок, стали, по сути, новым этносом и перенесли военные действия на территорию арабского халифата (так, в 718 г. хазары заняли Дербент).

Последующие века потомки хазар нашли прибежище в столице полумира Сарае и растворились в огромной Золотой орде. Мусульманская вера позволила им слиться с татарами.

Общность России и русских, как и всего восточнославянского с тюрко-монгольскими кочевниками евразийских степей, уже в Средние века отчетливо осознавалась и на Западе, и на Востоке. Объективным историческим фактом считает ученый неявное отождествление в глазах не только средневековых западноевропейцев, но и китайцев – России и народов Монголии, слившихся для них в нечто целое, хотя и раздробленное и неосязаемое.

¹ Из работы Л.Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия»: Историко-этнологическое исследование ойкумены Евразии за 1500 лет – с III в. до н.э. по XII в. н.э.». (Прим. ред.)

По словам Гумилева, первая евразийская империя основывалась на гунно-славянском союзе, но уже через 20 лет после смерти в 453 г. вождя гуннов Аттилы его держава распалась, а гунны, как самостоятельный этнос, исчезли из истории.

Второй великой евразийской державой был тюркский каганат. Третьей же евразийской империей стали монголы, и это было связано с ролью Чингисхана. О нем Дж. Неру говорил, что он «встряхнул» Азию и Европу, что он одержал свои победы благодаря дисциплине и организации. Известный русско-американский евразиец Георгий Вернадский соглашался, что искусство печати, морской компас, огнестрельное оружие и многие другие изобретения, перевернувшие мир Западной Европы, были импортированы с Востока при посредничестве монгольского влияния¹ (в XIII веке монголы считались в собирательном смысле частью татар; это наименование обозначало название группы племен, а впоследствии название татар в Азии исчезло и перешло на поволжских тюрок, подданных Золотой орды, где с течением времени превратилось в этноним).

Четвертой евразийской империей Гумилев считал Россию: она прошла путь от Руси к России, причем, историческая Россия XV–XX веков не является прямым продолжением Киевской Руси.

По мнению Гумилева, для понимания русской истории ключевыми являются три века – XIII, XIV и XV, когда значительная часть русских земель утратила свою политическую независимость в результате монгольского нашествия, однако вскоре, став частью улуса Джучи, Русь стала обретать черты самостоятельной цивилизации, в рам-

¹ Из работы Г.В. Вернадского «Монголы и Русь», 1953 г. (Прим. ред.)

ках которой, собственно, и сложился евразийский суперэтнос, ставший теперь российским.

В течение этих трех веков произошла не просто смена столиц с Киева на Москву, но и затухание всей древнерусской этнополитической общности, на смену которой пришла принципиально новая общность и новая историческая сила – Московское государство великороссов. Московскому периоду суждено было стать золотым веком русской истории и мерилom расцвета цивилизационной самоидентичности русского народа и других народов евразийского пространства.

Князь Александр Невский рассматривается Гумилевым, как ключевая фигура российской истории, ознаменовавшая собой новый этногенетический процесс. Благодаря таланту Александра Ярославича русским землям удалось не только пережить «темное столетие» обскурации между двумя веками этногенеза, но и сохранить преемственность византийской культурной традиции.

Подводя итог, можно сказать, что представленная Гумилевым концепция русско-ордынского симбиоза при всех ее натяжках содержит определенное рациональное зерно и должна быть осмыслена, как одна из плодотворных гипотез. Симбиоз Руси и Великой степи, возникнув в древнерусский период, повторился на новом витке этногенеза в русском Улусе Золотой орды, обеспечив благоприятные условия обновленного великорусского этноса в условиях нарастания угрозы подчинения и ассимилирования католическим Западом.

Решающую роль в начальной фазе великорусского этногенеза ученые отводят Церкви. Церковь как социальная организация с ее системой монастырей дала новым пассионариям доминанту – защиту православия, которой можно было служить только искренне, а не ради выгоды. И такое было возможно только в фазе пассионарного подъема.

Степной улус наследников Чингисхана в результате реформы Золотой орды превратился в мусульманский султанат, где доминировало население торговых городов, ставшее основной опорой хана Узбека. Это вызвало резкую оппозицию среди старой степной знати, еще сохранявшей запас пассионарности. В ответ обрушились жестокие репрессии: «великая степь, никогда не знавшая религиозных преследований столкнулась с этим омерзительным проявлением цивилизации» [21, 482].

Единственным местом, где ордынские татары, не желавшие исповедовать ислам, могли найти прибежище, были русские княжества. Принимая православие, они вливались в состав великорусского этноса, значительно увеличивая его пассионарный военный потенциал: татары в то время были лучшими в мире специалистами по конному строю и маневренной войне. Крещеные ордынские воины, расселявшиеся московскими князьями на юго-восточной окраине Руси, составили впоследствии сословную группу однодворцев: «ареал однодворцев стал рубежом между двумя новообразовавшимися этносами – великорусским и татарским и более того, между двумя суперэтносами – православным и мусульманским» [21, 482].

«Непривычная для Запада система отношений власти и подчиненных была столь привлекательной, что на Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие католицизму, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и мордва. <...> Но для того, чтобы это скопище людей, живущих в мире и согласии, стало единым этносом, не хватало одной детали – общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, в свершении, требующем сверхнапряжения. Именно эти деяния знаменуют собой окончание инкубационного периода и начала этапа исторического развития этноса – фазы подъема» [21, 559].

Таким событием стала Куликовская битва: возникла новая этническая общность Московская Русь.

Идея национальной исключительности вообще была чужда русским людям – их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов (Шереметьевы) и татар (Кутузов). После взятия Казани войсками Грозного 1552 г. всех осиротевших татарских детей государь повелел отдать в русские семьи, назначив их опекунам пособие из государственной казны [22, 214].

После присоединения казанского и астраханского ханств, а также территорией ногайской орды, московский государь вступил в золотоордынское наследство, а после освоения территории Сибирского ханства – в геополитическое наследство монгольской империи.

Екатерининский указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам» от 17 июля 1773 г. положил конец принудительному миссионерству и снял ранее существовавшие запреты на строительство мечетей. (В 1788 г. было создано Оренбургское могометанское духовное собрание во главе с муфтием, а в 1787 г. был напечатан Коран на арабском языке).

Русский суперэтнос в данном случае выступает как исторически сложившаяся кооперация множества этносов России, из которых собственно русский сделался носителем суперэтнической общности.

Как бы то ни было, евразийство является мощным теоретическим подспорьем для того, чтобы осознать сущность нашей цивилизации. Россия долгое время не могла себя вписать ни в Восток, ни в Запад.

Тем не менее, формы государства и особенно межгосударственного общения в России выстраивались, как отмечали, например, авторы статьи в журнале «Профиль» (№ 34 за 2018 г.), под сильнейшим влиянием западных норм. А мировоззрение не менее десяти поколений жителей нашей страны основывалось на убеждении, что Россия – это Европа. Сегодня в большей или меньшей степени такая «европейскость» сидит во многих россиянах. Именно она вызывает отторжение Востока, страх перед ним поддерживают мифы.

Между тем, очевидно, что Азия в обозримом будущем вполне может стать технологическим и интеллектуальным центром планеты. На практике осознание нас евразийцами дает нам прекрасный шанс для того, чтобы сыграть роль предназначенную России историей.

Волею судеб Россия оказалась на перекрестке мировых цивилизаций между Европой и Азией: треть в Европе, две трети в Азии, и в силу географических, исторических, демографических, культурных параметров как уникальная полиэтническая, многоконфессиональная сложилась целостность различных народностей, национальностей, верований западной и восточной ее составляющих. Появился неразрывный сплав русского народа с другими группами восточных славян, с народами уральской, финно-угорской группы, с алтайской, тюркской, кавказской и других языковых семей Западной, Центральной и Восточной Азии, Тихоокеанской культурой. В конфессиональном плане имеет место взаимодействие православия с католицизмом, протестантством – на западе, тогда как на востоке – с исламом, буддизмом, ламаизмом, а также язычеством и многими местными верованиями народов Крайнего Севера. Тем самым, на протяжении истории Россия сформировалась как уникальная самостоятельная евразийская цивилизация.

Познанию особенностей и путей развития российской евразийской цивилизации посвятили свою жизнь целые плеяды выдающихся отечественных ученых, писателей, общественных деятелей. Их труды продолжают оставаться предметом глубокого изучения современных исследователей. И это естественно, ибо тема российской евразийской цивилизации неисчерпаема и в историческом плане, и в силу ее возрастающей актуальности в настоящее время.

Пожалуй, к числу евразийцев можно отнести и одного из крупнейших теоретиков ислама конца XIX – начала XX вв., выдающегося ученого просветителя Исмаила Гаспринского, которого современники называли «человеком, пробудившим весь тюркский мир». Его высоко ценили, уважали, искренне почитали и обращались к нему со словами «Улуг Устаз» (Великий учитель) и даже «Отец всех мусульман». Вместе с тем он являл собой прекрасный пример русского патриота, для которого преданность России была столь же значимой, как преданность Исламу. Не случайно И. Гаспринский часто называл себя русским, что ни в коей мере не мешало ему оставаться мусульманином, потомком знатного крымско-татарского рода, восходящего ко временам Золотой орды.

В своих трудах, таких как «Русско-Восточное соглашение» и «Русское мусульманство» Исмаил Гаспринский раскрывал сущность русской цивилизации как Евразийской, соединяющей в себе черты как православия, так и ислама. Он подчеркивал естественную близость православных и мусульманских народов, которая исторически обусловлена их многовековым проживанием в пределах общей геополитической зоны и переплетением интересов тюркских и, шире, мусульманских народов с державными устремлениями российской империи. «Русско-мусульманский мир, – писал он, – раскинул-

ся от берегов Северного Ледовитого океана до глубин экваториальной Африки и от границ Балтики и Адриатики до китайской стены и морей Индо-Китая. <...> Залегая между европейскими и монгольскими мирами, русско-мусульманский мир находится в центральных частях полушария, на перекрестке всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых» [23, 60–61]¹.

И. Гаспринский был убежден, что союз русского мусульманства с русским православным народом даст новый творческий импульс мусульманской цивилизации в целом, что, в свою очередь, откроет путь для России ко всему мусульманскому Востоку: «Представим себе, что Россия вошла в искренние, дружественные отношения с Турцией и Персией, – писал Гаспринский. – Дружба эта отразилась бы весьма чувствительно на отношениях к Египту и ко всему арабскому миру, с одной стороны, и на Афганистан и Индо-мусульманский мир – с другой» [23, 73–74; 24, 86].

Эти мысли звучат на той же самой высокой нравственной патриотической ноте, что и слова В.В. Путина, прозвучавшие в октябре 2003 г. в Малайзии, что «Россия на протяжении веков переплетена с исламским миром <...> естественными связями и они наполняются реальным практическим содержанием». В сентябре 2015 г. он добавлял, что «сегодня традиционный ислам – это неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны. Его гуманистические ценности, как и ценности других наших традиционных религий, учат людей милосердию, справедливости, заботе о близких. Все мы это очень высоко ценим».

Понимание евразийской цивилизация проходит в российской истории через века, от поколения к поколению. Выдающийся наш философ Н.А. Бердяев постоянно на-

¹ Цитата взята из его работы 1896 года «Русско-восточное соглашение». (Прим. ред.)

поминал, что «Россия не может определять себя как Восток и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [25, 22].

Возможно уместно напомнить в этой связи и об одном из незаслуженно забытых творцов русской политики на Кавказе генерале Ростиславе Фадееве¹. Он писал: «Россия относится к Азии совсем иначе, чем западные народы. Азиатские дела для нас не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и прочее; для нас они дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией. Англия владеет Индией потому только, что ей случилось нечаянно захватить эту страну; без Индии она будет все тою же Англией, ее острову не грозят ни на волос опасности от каких бы то ни было событий в Азии. Для России же результат перелома, начинающегося на этом материке, составляет жизненный вопрос» [26]². И ведь вправду, эти прозорливые слова сегодня столь же актуальны и востребованы, как и столетие тому назад.

Р.А. Фадеев продолжал свою мысль: «Что для Западной Европы – дело удобства и выгоды, то для России – дело жизни. <...> Сливаясь с Азией на протяжении 10 тыс. верст, соприкасаясь непосредственно со всеми ее центрами, живя с азиатскими народами, можно сказать, под одной крышей, Россия связана с ними необходимостью.

¹ Его книга «Мнение о восточном вопросе», вышедшая в 1869 г., стала основополагающей для русской школы геополитики.

² Цитируется письмо 13-е. «Письма с Кавказа» Р.А. Фадеева были впервые опубликованы в 1864 и 1865 гг. (*Прим. ред.*)

<...> С того же дня, как Россия вдвинулась в коренную Азию и слилась с ней безраздельно, она стала в необходимость отнести к азиатскому вопросу как к своему домашнему делу. Не случайным захватом попали мы в Азию, как другие европейцы. Огромное тело России вросло само в середину этого отжившего, рассыпающегося, со всех сторон расхватываемого мира и, независимо от произвола и политической системы, должно оказать на него действие магнита, прикоснувшегося к куче железных опилок» [26]¹.

Подводя итог всему, сказанному выше, можно сделать вывод о признании государство-образующей и цивилизационно-сплачивающей роли как православия, так и ислама, отдавая безусловный приоритет православной культуре как стержневому фактору, обеспечивающему сближение различных культур, ментальностей и мировоззрений на всем пространстве России. Всестороннее содружество православных и мусульман, представителей других конфессий и национальностей было и остается важнейшей скрепой российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Республика, 2001. 544 с.
2. Осипов Г.В. Социология и общество: Социологический анализ российской смуты. М.: Норма. 2007. 847 с.
3. Менделеев Д.И. К познанию России. 7-е изд. СПб.: Из-во А.С. Суворина, 1912. 164 с.
4. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // В.И. Вернадский о науке. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
6. Основы Евразийства. М.: Арктогея – Центр, 2002. 802 с.

¹ Цитируется письмо 9-е. (Прим. ред.)

7. Классики геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. 731 с.
8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: АГРАФ, 1997. 464 с.
9. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 380 с.
10. Бердяев Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: (Антология). М.: Наука, 1993. С. 292–300.
11. Ильин И.А. Идеальный оползень // Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906–1954). М.: Русская книга, 2001. 560 с.
12. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Парогъ, 1993. 448 с.
13. Сендеров В.А. *Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы* // *Вопросы философии*. 2004. № 6. С. 22–37.
14. Нарочницкая Н.А. Исламский мир: геополитическое и цивилизационное соперничество // *Православие.ru* (сайт Сретенской духовной семинарии), март 2003. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5118.html>.
15. Нарочницкая Н.А., Мяло К.Г. Еще раз о евразийском соблазне // *Наш современник*. 1995, № 4. С. 128–137.
16. Кузнецов И.М. Россия как контактная цивилизация // Гуманитарные технологии: (Аналитический портал), февраль 2007. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/783>.
17. Гумилев Л.Н. Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, только через евразийство // *Социум*, 1992, № 9. С. 89.
18. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: Кристалл, 2002. (Вехи истории). 578 с.
19. Дёмин В.Н. Лев Гумилёв. М.: Молодая гвардия, 2007. (ЖЗЛ, Вып. 1055). 308 с.
20. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 560 с.
21. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Айрис-пресс, 2008. 768 с.
22. Шамбаров В.Е. Царь грозной Руси. М.: Алгоритм, 2009. 608 с.
23. Гаспринский, Исмаил-бей. Россия и Восток. Казань: Татарское книжное изд., 1993. 130 с.
24. Евразия и Ислам. Евразийски вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии // Большая Российская Энциклопедия. М., 2017. С. 86.
25. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
26. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М.: ГПИБ, 2007. 60 с.

REFERENCES

1. *Rossijskaya civilizaciya: Etnokul'turnye i duhovnye aspekty: Enciklopedicheskij slovar'* (2001), [*Russian civilization: Ethnocultural and spiritual aspects: Encyclopedic dictionary*], ed. by M.P. Mchedlov, Moscow, Respublika. 544 p.
2. Osipov, G.V. (2007), *Sociologiya i obshchestvo: Sociologicheskij analiz rossijskoj smuty* [*Sociology and society: Sociological analysis of the Russian turmoil*], Moscow, Norma. 847 p.
3. Mendeleev, D.I. (1912), *K poznaniyu Rossii* [*To the knowing of Russia*], 7th ed., Sankt-Petersburg, Izd. A.S. Suvorin. 164 p.
4. Vernadskiy, V.I. (2002), *Zadachi nauki v svyazi s gosudarstvennoj politikoj v Rossii, V.I. Vernadskij o nauke* [*V.I. Vernadsky about science*], Vol. II, Sankt-Petersburg, RHGI.
5. Trubetskoy, N.S. (1995), *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [*History, Culture, Language*], Moscow, Progress. 800 p.
6. *Osnovy Evraziystva* (2002), [*Basics of Eurasianism*], Moscow, Arktogeya – Centr, 802 p.
7. *Klassiki geopolitiki, XX vek* (2003) [*Classics of geopolitics, XX century*], Moscow, AST. 731 p.
8. Savitskiy, P.N. (1997), *Kontinent Evraziya* [*Continent Eurasia*], Moscow, Agraf. 464 p.
9. *Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii* (2002) [*Dialogue with time. Almanac of intellectual history*], Issue 9, Moscow, Editorial URSS. 380 p.
10. Berdyaev N.A. (1993), *Evraziycy, Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn: (Antologiya)*, [*Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation: (Anthology)*], Moscow, Nauka, pp. 292–300.
11. Ilyin, I.A. (2001), *Idejnyj opolzen', Stat'i, lekcii, vystupleniya, recenzii (1906–1954)* [*Articles, lectures, speeches, reviews*], Moscow, Russkaya kniga, 560 p.
12. Ilyin, I.A. (1993), *Aksiomy religioznogo opyta* [*Axioms of religious experience*], Moscow, Rarog, 448 p.
13. Senderov, V.A. (2004), *Neoevraziystvo: real'nosti, opasnosti, perspektivy, Voprosy filosofii*, No. 6, pp. 22–37.
14. *Narochnitskaya, N.A. (2003), Islamskij mir: geopoliticheskoe i civilizacionnoe sopernichestvo, Pravoslavie.ru*. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5118.html>.
15. *Narochnitskaya, N.A., Myalo, K.G. (1995), Eshche raz o evrazijskom soblazne, Nash sovremennik*, No. 4, pp. 128–137.

16. Kuznetsov, I.M. (2007). Rossiya kak kontaktnaya civilizaciya, *Gumanitarnye tekhnologii: (Analiticheskij portal)* [*Humanitarian technologies: (Analytical portal)*]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/783>.
17. Gumilev, L.N. (1992), Skazhu Vam po sekretu, chto esli Rossiya budet spasena, tol'ko cherez evrazijskoe, *Socium*, No. 9. p. 89.
18. Gumilev, L.N. (2002), *Etnosfera: istoriya lyudej i istoriya prirody* [*Ethnosphere: the history of people and the history of nature*], Sankt-Petersburg, Kristall, 578 p.
19. Demin, V.N. (2007), *Lev Gumilyov [Lev Gumilev]*, Moscow, Molodaya gvardiya, 308 p.
20. Gumilev, L.N. (2001), *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]*, Moscow, Rol'f, 560 p.
21. Gumilev, L.N. (2008), *Drevnyaya Rus' i velikaya step' [Ancient Russia and the great steppe]*, Moscow, Ajris-press, 768 s.
22. Shambarov, V.E. (2009), *Car' groznoj Rusi [Tsar of the terrible Rus]*, Moscow, Algoritm, 608 p.
23. Gasprinsky, Ismail Bey (1993), *Rossiya i Vostok [Russia and the East]*, Kazan, Tatarskoe knizhnoe izd., 130 p.
24. Evraziya i Islam (2017), *Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya [Big Russian Encyclopedia]*, Moscow, p. 86.
25. Berdyaev, N.A. (1990), *Sud'ba Rossii [The fate of Russia]*, Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 240 p.
26. Fadeev, R.A. (2007), *60 let Kavkazskoj vojny. Pis'ma s Kavkaza. Zapiski o kavkazskih delah [60 years of the Caucasian war. Letters from the Caucasus. Notes on Caucasian affairs]*, Moscow, GPIB, 60 p.